

твоя апофеосень

недолог путь.
прошедшее итожа,
ты впитываешь время тонкой кожей,
в бокалах измеряя каждый шаг,
заглядываешь в мир своих видений
и чувствуешь: в тебе скребется гений
и просится на волю, подышать.

рябит в глазах твоих апофеосень.
на пожелтевших трав простоволосье
наносит клены сочные мазки.
и в капельках подсолнечного света
мерещатся безумие винсента
и сгустки медно-охровой тоски.

ты ловишь музу, стоя на асфальте.
в тебе дрожит от холода вивальди
и морщится взъерошенный гоген.
а ты упрям, заносчив и свободен.
и делится обрывками мелодий
собрат по крови — ветер перемен.

ты — сумас-бродский, может, полу-нищсе,
еще счастливый, но уже раскиший
от виски и прошедшего дождя.
ступай себе, расплачивайся с миром,
твори, но не трави в себе кумира,
в который раз в нирвану уходя.

мой личный недоверчивый юпитер

мой личный недоверчивый юпитер
тобой прошит раскаявшийся питер

ты сердисься а значит ты ведом
туда где стен графитовые тени
где тянется граница измерений
и камни собираются с трудом
где сотни дел играют в долгий ящик
но ищущий как правило обрящет
кусочек эфемерной пустоты
звенящей колокольчиком под крышей
имеющему уши да услышать
какое слово произносишь ты

навязчивой бессонницы обитель
вращающийся шарик на орбите
ты сердисься да брось не заводись
на променад настроиться сумей-ка
сучаает в парке добрая скамейка
зеленая как новенькая жизнь
рыжеют белки липы да осины
садись в трамвайчик с обликом лосиным
оставь каналы крыши и мосты
езжай туда где мир как на картинке
где ветер собирает паутинки
и вяжет на ограды и кусты
где небо приголубит птичью стаю
где так доступна истина простая
ты сердисься а значит ты неправ
останется решительная малость
вернуть все то что в нас перекликалось
мой номер заблудившийся набрав

И кажется...

*И тихо... Так, Господи, тихо...
Что слышно, как время идет...
Анна Ахматова*

...И льется свет на зябкую ладонь.
И кажется, что воздух, только тронь,
рассыплется на пиксели снежинок.
И тихо так, что слышно, как идет
начавшийся по всем законам год,
неотвратимо и неудержимо.

Действительность похожа на спираль.
И кажется, на счастье выбирай
любой виток, что в срок тебе отпущен.
Но время держит за руку, и мы
с тобой живем за пазухой зимы
и ничего не знаем о грядущем.

Мир безусловен в этой тишине.
И только снег...

Кругом один лишь снег,
подкрашенный густым ультрамарином.
Молчи и ничего не говори...
Мне все уже сказали фонари
на фонарином.

незримое

год кончается
ни сдвига
спят юноны и авоси
мне б слова найти однако
вдохновенье тоже спит
недописанная книга
про авосевую осень
зацепилась словно якорь
за беспочвенность обид

я сижу гляжу на звезды
пью забористую зиму
застревает в горле комом
хоть не смейся хоть не плачь
и не то чтоб слишком поздно
просто все невыносимо
не выносятся из дома
колкий мусор неудач

днем не выйти
вдруг ослепну
от сверкающего снега
собираю неудачи
через нет и не могу
дом не дом а серый склеп но
жду от бога оберега
обереги же маячат
на далеком берегу

но юнона чинит парус
и авось его починит
вдруг пойму что беспричинен
этих волн-волнений шум
миг и я уже не парюсь
не тону в густой кручине
и незримому мужчине
письма нежные пишу

Без определенного

Она — пылинка в жизненном бедламе.
Ей не везет с делами и тылами,

И даже с равновесием весов
Не «катит»... Как в комедии с Ришаром.
Лишь катит осень в платье обветшалом
Расколотой фортуны колесо.

Легко ли жить, ничем не обладая?
Но жизнь — она не жила золотая,
А жесткий опыт на разрыве жил...
Кольцо судьбы сжимается упруго,
А выпадешь из замкнутого круга —
И нет тебя. Как будто и не жил...

...Она бредет, заглядывая в лица,
А в них — тоска... и хочется напиться
Бесплатного осеннего дождя,
Упасть в объятия старого трамвая
И ждать, куда же выведет кривая,
Став самой отрешенной из бродяг...

Набрякло время в сырости подвала.
Амбициозность города достала,
Как достают сквозь куртку холода.
Ее удел — бродить по полумраку
И называть бездомную собаку
Единственной подругой.
Навсегда.

твой город

твой город — деспот.
твой город — демон.
ему не в тему твои проблемы.
постичь захочешь его системы —
сплетет интриги стальных оград.
не поминай этот город всуе,
он на щитах не тебя рисует,
рычит, оскалив клыки сосуллек,
дает понять, что тебе не рад.

здесь так легко затеряться в спаме.
а ты болеешь его огнями,
его проспектами, площадями,
готов в объятия к нему упасть.
но город щерится, тянет лапы
своих мостов.
он не терпит слабых,
да не упустит момента, дабы
сомкнуть бетонную злую пасть.

но если ты преклонишь колена
и станешь пленным его вселенной,
он показательно и надменно
пропишет, кто здесь и царь, и бог.
и, ощутив, что минорно дышишь,
что обездвижен, уныл и выжат,
нажмет на клавишу скользкой крыши
и распечатает некролог.

бежать

проснешься.
удивишься: разве жив?
хандра разлита в чашечках коленных.
стекло от ветра нудно дребезжит,
негромко лифт листает этажи —
страницы в дым прокуренной вселенной.
твой пыльный мир — угрюмый интерьер:
набитый рот обшарпанного шкафа,
засаленные локоны портьер,
в углу скучает старенький торшер,
напоминая сонного жирафа...
придавливая небом потолка,
тебя сосет беззубая тоска...

невыносимо!
надо бы бежать,
глаза прищурив, вырваться из плена,
без лифта проскакать по этажам,
черпнуть коленной чашкой куража,
долгой хандру! и осень — по колено!

И, наконец, поняв, что все — не зря,
на набережной слушать крики чаек,
холодными щеками ощущая
шершавые ладони сентября.

...и, уходя, швырнуть на парапет
неначатую пачку сигарет.

Полынь

Пока не пройден собственный зенит,
И колокольчик во поле звонит,
Но не по нам — мы ветрено-беспечны,
Все кажется, закаты далеки,

И не с руки нам черпать из реки,
Что памяти уносит человечьи.

Пока горчит обыденность в ночи,
А бес в ребре тревожит и кричит,
Нам хочется забраться в Антарктиду,
На Фудзияму, к черту на рога,
Перелистав моря и берега,
Взлететь над суетой, пропасть из виду,
Взглянуть на бег по кругу свысока,
Глотнуть небес, потрогать облака,
Сорваться вниз и падать, падать, падать —
Сквозь боль и радость, счастье и беду,
И отразиться звездами в пруду,
Самим себе за мужество в награду...

Но нам назначен выверенный срок,
И мы пройдем сквозь глину и песок,
Иного мира прошенные гости.
Когда же он, безжалостный на вид,
Нас всех удочерит-усыновит,
Мы прорастем полынью на погосте.

В СОН

и что-то не стыкуется опять.
и как-то все неладно и непросто
в твои неполных метр девяносто.
и высших два.
и полных тридцать пять.
не держишь зла,
не требуешь добра
и с совестью не ходишь на разборки.
но вместо ев — лишь гоблины да орки
из каждого вопросного ребра.
улав, как раб, работать над собой,
когда твой генный код перелопачен,
забросив кучу дел к чертям собачьим,
уходишь от реакции цепной
на дальний хутор баб (о черт!) ловить.
но, возвратившись в брошенную припятю,
захочешь просто выпить...
молча выпить,
леча синдром рассеянной любви.
уснуть,
увидеть ежика в траве
и бабушкины сырники на блюде...
а утром неожиданно проснуться
там, где весна.
и ветер в голове.

Новогоднее мечтательное

Который год ты веришь в чудеса,
Что вместо елок сбудутся леса.
А не леса, так скверики хотя бы,
Чтоб наконец покинуть скучный дом...

Темнеют тучи в лужах за окном.
А хочется шикарной белой бабы!
Лепить ее, как нравится рукам,
Не спорить с ней по всяким пустякам,
Не утешаться крепким алкоголем,
Почувствовать вселенную у ног,
Забыв, что ты не юн и одинок,
И сукой-жизнью вечно недоволен.
И чтоб — мороз. И — кругом голова.
Чтоб залетала вьюга в рукава
Вязать в мурашки ниточки рефлексов.
Узнать в себе шкодливого щенка,
Желая снега вместо молока
И сказок — вместо сочного бифштекса...

Но вечер новогодний настает,
А за окном уныло — просто ё! —
Зима малюет серой акварелью.
И, как всегда, тебя приговорит
Обычный, примитивный алгоритм:
Салат с горохом, водка
И похмелье.

Некто

Тьма в лоскуты фонарями распорота,
словно хитон.
Ходит по улицам сонного города
некто в пальто,
трогает крыши ладонями влажными.
Косятся здания многоэтажные:
кто этот дон-н-н?..
Муторно, хмуро. Сочится уныние
с неба дождем.
По проводам, как по жизненным линиям,
время идет.
Странный субъект гонит ветер по улице.
Жмутся деревья, как мокрые курицы.
Полуабсурд — словно в фильмах Кустурицы.
Не до красот...

Томная комната, сбитые простыни,
свет ночника.
Я и не жду тебя, милый мой, просто не
спится пока...

В мыслях — прошедшего вязкая каша,
наш с тобой рай декорацией кажется.
Лето... Закат...
Скользкая истина — мокрая мистика.
Дерзкий фантом.
Улица выслана бурными листьями.
Что же потом?
Дождь превращается в чернополосие,
многолинейность и многовопросие.

Это мое ощущение осени
бродит в пальто...

НЕМОТА

...и снился сон — навязчивый мираж.
ты брошен был, чтоб тихо умирать,
там, где-то далеко, за гранью света.
был белый снег, пушистый белый снег.
но от воды, нахлынувшей во сне,
он пожелтел, как старая газета,
и потускнел, как смятая тетрадь.
наверное, так проще
умирать.
с холмов стекали сели тишины.
а ты — больной солдат своей страны,
расстрелянный холодными дождями,
распятый на кресте кривых дорог —
тонул в грязи, и выбраться не мог,
и обретал могилу в мутной яме.
засасывала горе-колея,
и боль души душила,
как змея...

ты криком рвал простывшую гортань,
но немота сочилась изо рта,
усиливая немощную небыль.
бессилие сильнее, чем даже боль.
и сонный мир сомкнулся над тобой...

но распахнулось утреннее небо,
когда твой сын — наместник высших сил —
дотронулся рукой.
и разбудил.

ПОТРОГАЙ ОСЕНЬ

беги, мой друг, по осени, беги
из сумрака, где мир уныл и тесен.

беги туда, где клены у реки,
где, связывая тропки в узелки,
полянки сыроежаты в полесье,
на изумрудный холст сырого мха
наносит день мазки багровых листьев.
здесь ясен пень: садись, и отдыхай,
и слушай, как токующий глухарь
тревожит сон лесного закулисья...
случайный луч, пробившись сквозь листву,
неловко, вскользь, твои ресницы тронет.
поймай зрачками неба синеву.
пускай ветра тоску твою прорвут,
подставь им занемевшие ладони...

...когда-то здесь, бродя рябой тропой,
мы так же осень трогали с тобой...

Человек, измученный базаром

В отчужденность ринувшись недаром,
бросив шумный офис и жену,
человек, измученный базаром,
на денек приехал в тишину,
в край, где через край блаженство льется,
где заря ванильная сладка,
нахлебаться свежести эмоций
и воды лесного родника.

Видеть, как наивно ивы плачут,
травы прибрежными шуршать
и ловить на удочку удачу
в виде удивленного ерша,
наблюдать, как вдаль река течет и,
окунувшись в эту тишину,
позабывать финансы и отчеты,
шефа и ворчливую жену.

Что ему боржоми и нарзаны?
Что ему самбуки-коньяки?
Человек, измученный базаром,
жадно пьет молчанье у реки.

Быть может...

Июнь. Жара.
В асфальтовых мирах,
где сохнет явь, устала и сера,
томится лето с запахом корицы.

Пора, пора, хороший мой, пора
туда, где солнце ласково с утра,
где протыкают небо кипарисы,
где ветер шепчет: мир вам и покой...
где море — лишь дотронуться рукой.
Мохнатых пальм раскрытые ладони
приветливо помашут в тишине.
И мы поймем, что места лучше нет,
чем то, где в море суетность утонет.
И будет домик — окна на закат.
И облака.

И птицы свысока
нам что-то прокричат без профанаций.
Потом мы сложим камешки в слова,
те, от которых кругом голова,
и будем целоваться...

И будет день светлей, чем целый свет,
закат — теплом и нежностью прогрет,
а ночь густа, чернее, чем чернила.

Быть может, там, где мир совсем иной,
пропитана тобой и тишиной,
я о любви балладу б сочинила...

